

ФОНД «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ»

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ИДЕИ И ЛЮДИ

Под общей редакцией А. А. Кара-Мурзы

Статья:

Чишков С.Л. Иосиф Викентьевич Михайловский:
"Идея личности есть высшая нормативная идея" //
Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр.
и доп., под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. - М.: Новое
издательство, 2007. С. 639-648.

МОСКВА 2007

УДК 329.12(47)
ББК 66.1(2)
Р76

Российский либерализм: идеи и люди /
2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы
М.: Новое издательство, 2007. — 904 с.

ISBN 978-5-98379-093-3

Книга представляет собой галерею портретов русских либеральных мыслителей и политиков XVIII–XX столетий, созданную усилиями ведущих исследователей российской политической мысли. Среди героев книги присутствуют люди разных профессий, культурных и политических пристрастий, иногда остро полемизировавшие друг с другом. Однако предмет их спора состоял в том, чтобы наметить наиболее органичные для России пути достижения единой либеральной цели — обретения «русской свободы», понимаемой в первую очередь как позитивная, творческая свобода личности.

УДК 329.12(47)
ББК 66.1(2)

ISBN 978-5-98379-093-3

© Фонд «Либеральная миссия», 2007
© Новое издательство, 2007

Иосиф Викентьевич
Михайловский:

*«Идея личности есть высшая нормативная
идея»*

СЕРГЕЙ ЧИЖКОВ

Иосиф (Иосиф-Стефан) Викентьевич Михайловский (1867–1921) был родом из Черниговской губернии, из небогатой мещанской польско-католической семьи. Для истории российского либерализма его жизнь и идеи представляют особый интерес: возможно, Иосиф Михайловский являл собой один из наиболее ярких примеров «не провинциального» по своей глубине либерализма российской провинции. Всю жизнь он провел в небольших и средних, по российским меркам, городах, никогда не принимал активного участия в политической жизни и, даже будучи некоторое время конституционным демократом, все-таки не вполне вписывался в «генеральную линию кадетизма», не поддерживая ее резко выраженную оппозиционность власти. По своим политическим взглядам И. В. Михайловский ближе всего стоял к земцам, но и в самом земском движении, как движении политическом, участия тоже не принимал. Сторонник конституционной монархии, он даже после Февральской революции публично отстаивал эти свои взгляды и с большим скепсисом смотрел на перспективы России в качестве республики.

Два обстоятельства могут многое объяснить. Прежде всего, Михайловский вышел из судейской среды, глубоко проникся ее духом и никогда с ней не порывал. Многие годы он провел на должностях судей судов первой инстанции, к концу жизни совмещал преподавание в университете с должностью судьи Высшего Сибирского суда. А кроме того (наверное, это и есть главное), Михайловский — ближайший, если не единственный ученик Бориса Николаевича Чичерина. Два этих обстоятельства позиционируют Михайловского в либеральном движении России довольно специфическим образом. Непосредственная и даже профессиональная включенность в земскую жизнь сочеталась в нем с весьма скептическим взглядом на политическую борьбу, в том числе и ту, что вели земцы. Критический взгляд на российские порядки, реальное состояние государственного управления и засилье бюрократии — с отстаиванием принципа политической стабильности. Требование правового государства, широкого спектра гражданских и политических свобод — с сохранением монархического принципа.

По окончании гимназии Иосиф Михайловский поступил в Киевский университет Св. Владимира, учился на юридическом факультете, но прослушал также полный курс философии на историко-филологическом. В 1890 году он окончил университет с отличием. Еще будучи студентом, женился. Его жена, Елена Васильевна (урожденная Рудская-Хмелевская), родом из Варшавы, православного вероисповедания. В семье росло трое детей: первенец Михаил появился на свет в 1890 году, дочь Наталия родилась в 1895-м, сын Лев — в 1901-м; дети, как и мать, были православными.

Судя по всему, карьеру судьи Иосиф Викентьевич выбрал еще в студенческие годы, так как сразу после окончания университета он поступает «кандидатом на должность по судебному ведомству» при прокуроре Черниговского окружного суда. Михай-

ловского берут на службу 5 марта 1890 года, но уже 20 марта переводят в город Нежин той же Черниговской губернии, где он и проходит все ступени службы, необходимые, чтобы занять судейскую должность.

Что это за город, Нежин, куда после почти «столичного» Киева попал Михайловский с семьей и где он провел более трех лет? Типичный уездный городок юга России: население 15 тыс. жителей, тринадцать православных церквей, два монастыря, католическая церковь, синагога, пять еврейских молитвенных школ, окружной суд, десять присяжных поверенных, три нотариуса. В городе также находились: лицей князя Безбородко, гимназия, уездное училище, греческое училище, два женских пансиона, еврейское казенное училище, приходское училище, больница на сорок кроватей, инвалидный дом, богадельня. На весь уезд — девять врачей. Главный предмет местной торговли — табак и соленые огурцы. (Экспорт соленых овощей в другие области и столицы осуществлялся в огромных масштабах — до 10 тыс. бочек в год; нежинские огурцы и спустя сто с лишним лет считаются лучшими для засолки.) Какие-то 150 верст отделяют Нежин от Киева, но это уже другая жизнь. Недавний выпускник университета вряд ли мог так просто к ней привыкнуть, отказаться от больших задач, которые люди ставят перед собой в молодости. Первое серьезное столкновение планов и ожиданий с реальностью происходит у Михайловского именно в этом «огуречном раю».

Стать судьей — это было мечтой многих студентов-юристов пореформенной России. Эта карьера рассматривалась как высшая форма карьеры юриста вообще. К концу XIX века имидж судьи был очень высок, особенно у мировых судей. За двадцать пять лет этот институт завоевал сердца россиян всех сословий: именно мировые судьиводворяли в обществе и народе идею законности и уважения к личности.

Однако к началу 1890 года во всей внутренней России институт мировых судей был отменен, а их функции передали городским судьям. Михайловский, позднее анализируя ход судебной реформы, скажет, что основным мотивом властей в этой реформе стало стремление искоренить из судебной системы всякий «общественный элемент», всякое участие самого общества при рассмотрении своих дел. Из судебной практики оказались почти полностью изъяты все примирительные процедуры, судья становился неким внешним администратором, основной интерес которого состоял только в том, чтобы вышестоящая инстанция не отменила его решение. Вместо «охранителя мира», «водворителя мира», использующего кроме писаного права также обычное право, традиции и обычаи делового оборота, общество получило чиновника. И ничего бы страшного, если бы судей обязали судить только и исключительно по нормам действующего («писаного») права, если бы постепенно перешли на привлечение только профессионалов-юристов, но при этом сохранили их выборность, их ответственность непосредственно перед обществом. Власти, однако, предпочли поступить иначе.

Поступив на работу в суд, Михайловский обнаруживает все «прелести» судебной контрреформы: при невысокой юридической квалификации, которая никуда не делась, судьи получили независимость от того общества, проблемы которого были призваны решать. При этом административно они стали очень уязвимы, превратившись в чиновников, причем чиновников низшего звена.

Реальность несколько отрезвила молодого человека: незначительность споров и «обид», которые приходилось разбирать, полная административная зависимость судьи от чиновников, а также низкая квалификация коллег. Что касается последнего, то такое мнение о коллегах — не плод завышенной самооценки или юношеской фанаберии. О некоторых грубых ошибках коллегиальных решений Нежинского уездного суда Михайловский выскажется публично в печати и обоснует свою позицию.

Трудно себе представить, чтобы блестящий выпускник одного из лучших российских университетов, свободно говорящий на пяти европейских языках, юрист

и философ, удовлетворялся положением соискателя должности судьи в заштатном городке. В установленные сроки он сначала становится исполняющим обязанности судьи, после чего указом Правительствующего сената осенью 1892 года производится в титулярные советники, а в январе 1893-го становится судьей 1-го участка города Нежина. С этого момента он прилагает усилия, чтобы его перевели в другой город, и 25 июля 1893 года приказом по Министерству юстиции его назначают городским судьей Екатеринбурга. Это многое меняет в его жизни: именно в Екатеринбурге Иосиф Викентьевич приступает к научной работе и публикует первые статьи по судебно-правовой тематике. Но Екатеринбург — это еще и крупный культурный центр, там можно утолить еще одну страсть — любовь к музыке. Михайловский не просто был прекрасным музыкантом и играл на нескольких инструментах, он глубоко исследовал историю и теорию музыки. 17 декабря 1895 года он выступает с докладом на Бетховенском собрании Екатеринбурга по случаю 125-летней годовщины со дня рождения композитора. Расширенная печатная версия этого доклада «Личность Бетховена и значение его в истории культуры» в 1896 году выходит отдельным изданием.

Летом 1896-го И. В. Михайловский возвращается в Черниговскую губернию, в качестве городского судьи города Козельца. Там он начинает готовиться к сдаче магистерского экзамена в *alma mater* и получению звания приват-доцента — чтобы приступить к преподавательской и научной деятельности.

Перед магистерским экзаменом, в 1899 году Михайловский публикует свой первый научный труд «К вопросу об уголовном судье. По поводу предстоящей судебной реформы» и издает его в Нежине. Это уже достаточно зрелая и принципиальная работа, далеко выходящая за рамки заявленной в названии темы и посвященная ключевым проблемам российского правосудия, главная из которых — независимость судьи и судебной власти. Наступление на независимость судей и судебной власти — вечный и излюбленный сюжет всех российских контрреформ, при том что декларируемая ими цель всегда самая высокая: совершенствование правосудия. Через шесть лет в своей магистерской диссертации Михайловский проанализирует результаты этих очередных «улучшений» и даст им резко отрицательную оценку. В работе 1899 года интересно еще и то, что вся ее «идеология» взята из трудов Б. Н. Чичерина «Собственность и государство» и «Курс государственной науки», а также из только что опубликованных в «Вопросах философии и психологии» глав чичеринской «Философии права».

В том же, 1899 году И. В. Михайловский лично обращается к Чичерину с просьбой ознакомиться с его работой. Автор отнесся к этой просьбе чрезвычайно серьезно (он вообще очень внимательно относился к молодым ученым и всегда их поддерживал, если видел у них неподдельный интерес к «серьезной философии»). Михайловский оценивает эту встречу как главное событие в своей научной жизни; под руководством Чичерина он вновь садится за философию, но это уже систематические занятия с уклоном в философию политики и права.

Влияние Чичерина на Михайловского оказалось весьма значительным. Михайловский полностью принимает все основные философско-правовые принципы и многие политические установки своего учителя. Причем не только принимает, но и отстаивает их, и развивает. Это не эпигонство, а продуманная позиция с собственной аргументацией. Есть и пункты расхождения: как многие русские либералы (например, П. И. Новгородцев и Е. Н. Трубецкой, на которых Чичерин также весьма сильно повлиял), Михайловский является более «социальным» мыслителем. Социальная ориентация не связана с отрицанием предельного персонализма чичеринской мысли — в этом вопросе Михайловский выступает скорее его стойким последователем. Не связана она и с какими-то социалистическими или народническими идеями: Михайловский никогда и ни в чем им не симпатизировал, а под конец жизни даже активно противостоял.

Большая социальная направленность связана, как это ни парадоксально прозвучит, с углублением и переосмыслением позиции самого Чичерина по ряду вопросов, в первую очередь по вопросу о «принципе общей пользы».

Еще при жизни Чичерина Михайловский готовит статью о нем для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Это, несомненно, лучшее в литературе того времени изложение учения философа сопровождается несколькими довольно сильными критическими пассажами. «Если Чичерин совершенно ясно и точно установил один принцип ограничения свободы личности, а именно чужую свободу, то другой выставленный им принцип — „требования общей пользы“ — отличается неопределенностью, и из него могут быть сделаны выводы прямо противоположные учению Чичерина о свободе и самоцельности личности».

Еще один пункт явного несогласия — так называемый «рабочий вопрос». Михайловский пишет: «Теория Ч. о невмешательстве в дело поднятия благосостояния рабочих масс приводит к слишком суровым, резким выводам; с его точки зрения, все новейшее прогрессивное законодательство на этом пути должно быть признано злом».

В вопросе о роли суда, при всей схожести общих позиций Чичерина и Михайловского, есть, однако, и крайне важное расхождение. Для первого государство неподсудно по определению. Да, оно может и должно компенсировать вред, причиненный своими действиями, но в широком философском смысле остается неподсудным. Для того чтобы оно было таковым, необходимо одно существенное условие: наличие надгосударственного образования с легитимной правовой системой, но именно этого история так и не создала. Михайловский же считает, что эти и ряд других негативных моментов учения Чичерина устраняются более глубоким пониманием миссии государства в культуре. История, полагает он, показывает, что в действительности над государством возвышается фундаментальная нормативная идея, и жалеет, что Чичерин сам не довел ее до логического конца.

Идея личности, ее достоинства, самоценности и самоцельности, создает высшую нормативную идею, которая не только формирует основу единства права и нравственности, но также определяет и культурную миссию государства. Именно эта идея ограничивает суверенитет государства и суверенитет народа и с необходимостью для своего обеспечения вызовет к жизни наднациональные формы контроля над обеспечением прав личности. Эти весьма нетривиальные для своего времени идеи Михайловский будет развивать во многих своих работах.

Над государством Михайловский ставит культуру, но не культуру в виде знаний, произведений и достижений научной и технической мысли, а культуру как систему духовных ценностей, разделяемых людьми. Через эту систему в первую очередь и формируются и реальная нравственность повседневной жизни, и основания, по которым те или иные правовые суждения представляются правомерными или неправомерными. В понимаемой таким образом «культуре» системообразующим элементом выступают доминирующие в данную эпоху представления о личности и ее ценности. Государство постоянно ощущает давление некой глубинной нормативности, и задача культурного правового государства как раз и состоит в том, чтобы соответствовать этому давлению: принимать законы и действовать, надежно обеспечивая личность, ее достоинство и право на самореализацию. Понятно, что при таком подходе к праву Михайловский приветствует возрождение идеализма и крайне негативно относится к правовому позитивизму; горячо поддерживает «возрожденное естественное право» и его сторонников. В дальнейшем он станет активным защитником позиции «Вех».

Те несколько лет, что Михайловский общался с Чичериным, не только предопределили выбор его теоретической и политической позиции, но и оставили неизгладимый след в его духовной жизни. Об этом он всегда помнил: и его диссертация, и его

главный труд «Очерки философии права» вышли с посвящениями учителю. Судя по всему, именно их знакомство окончательно определило выбор Иосифа Викентьевича в пользу преподавательской и научной деятельности. С этого момента карьера судьи отодвигается на второй план, превращаясь лишь в средство для перехода на преподавательскую должность. Значительно раздвигаются и рамки научных интересов Михайловского: постепенно уголовное право уступает место философии права, а сами уголовно-правовые исследования становятся все менее прикладными, все более теоретическими и мировоззренческими.

Осенью 1900 года Михайловский успешно держит магистерский экзамен по уголовному праву в Университете св. Владимира и читает пробные лекции, признанные удовлетворительными. На этом основании 9 ноября 1900 года он получает звание приват-доцента и право преподавания в университете.

Получение научного звания в те времена приветствовалось и способствовало профессиональной карьере судьи. Михайловского повышают в должности, теперь он — уездный член суда по Козелецкому уезду и надворный советник. Однако, несмотря на повышение в должности, Иосиф Викентьевич просит перевести его на должность мирового судьи в университетский город Юрьев. Здесь он проработал чуть больше года, но «зацепиться» в университете не сумел. Следует еще одна его просьба — о переводе в Томск; 24 июня 1903 года Михайловский назначен мировым судьей в Томске.

Тогда это был один из динамично развивающихся городов России с полиэтничным и многоконфессиональным населением. Императорский Томский университет имел довольно молодой юридический факультет с кафедрами по всем отраслям права. В городе действовал также еще более молодой Технологический институт им. Николая II, где читались курсы по различным отраслям права, имеющим отношение к профилю института. Томск был привлекателен также тем, что в нем существовало отделение Императорского русского музыкального общества.

Почти сразу по прибытии Иосиф Викентьевич обращается к декану юридического факультета с ходатайством о допущении его к чтению лекций по уголовному праву. К ходатайству он прилагает подробный план курса лекций и рекомендацию Б. Н. Чичерина. Данная рекомендация, вероятно, имела особый вес, так как на протяжении ряда лет о ней вспоминали всякий раз, когда рассматривались вопросы назначений и перемещений Михайловского на юридическом факультете.

Факультет определенно хотел видеть Михайловского в числе своих преподавателей: несмотря на полную укомплектованность кафедр и сверстанность учебных планов, декан осенью 1903 года ходатайствует перед ректором о допущении мирового судьи 5-го участка приват-доцента Михайловского к чтению необязательного курса лекций по уголовному праву и процессу. Интересно, что лекции, одобренные факультетом, предлагается читать на четвертом курсе, то есть студентам, которые уголовное право изучают уже в течение трех лет. Совершенно очевидно, что предложенный материал отличался углубленным теоретическим осмыслением предмета.

Ректор университета, в свою очередь, обратился с ходатайством к попечителю Западно-Сибирского округа, однако бумага застряла в его ведомстве весьма характерным для России образом: на нее не ответили ни в установленные сроки, ни вообще, как будто обращения не было вовсе. Учитывая это обстоятельство, 3 марта 1904 года на заседании юридического факультета большинством голосов принимается решение о допущении приват-доцента Михайловского к чтению лекций по... тюрьмоведению. Это, конечно, далеко не то, что он хотел, но все-таки обязательный курс, открывавший перспективу дальнейшего продвижения. К тому же председатель окружного суда подтвердил своим письмом, что ничего против не имеет. Разрешение от попечителя учебного округа получили, и с 6 мая 1904 года Михайловский был допущен к чтению лек-

ций по университетской кафедре уголовного права и судопроизводства. А с 1 сентября 1904 года — и к чтению лекций в Томском технологическом институте, где новому преподавателю предстояло читать курс по законоведению, а также курсы по фабричному, горному и строительному законодательству.

В 1905 году в Томске вышла диссертационная книга (336 страниц) И. В. Михайловского «Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование». Опубликованная по решению Юридического факультета Томского университета, она распространялась во многих крупных городах России, поступила во все крупные университетские библиотеки.

Защита магистерской диссертации «Основные принципы организации уголовного суда» стала значительным событием как в жизни ее автора, но так и в жизни университета. В переполненном актовом зале университета 25 февраля 1906 года собрались не только преподаватели факультета и руководство университета, но также чиновники Министерства народного просвещения и коллеги Михайловского — судьи. Благожелательный отчет опубликовало влиятельное столичное издание «Право», редактируемое петербургскими либералами В. М. Гессеном, И. В. Гессеном, В. Д. Набоковым и Л. И. Петражицким.

Столь широкий интерес понятен. Это было время расправы над неудавшейся революцией, расправы, осуществляемой уже не оружием, а силами уголовной юстиции. Это было время, когда газеты и журналы постоянно сообщали о вынесенных смертных приговорах; когда апелляционные и кассационные судебные инстанции штамповали отказные решения по жалобам приговоренных; когда политические заключенные содержались в тюрьмах месяцами без предъявления им обвинения, а смертные приговоры выносились за преступления, по которым в мирное время давали минимальные сроки. Так, в дни защиты диссертации Михайловским в Варшаве казнили двух человек за погром в сельском суде и «оскорбление портретов Их Императорских Величеств».

Кроме того, весьма критическая позиция автора по вопросу о состоянии уголовного правосудия в России, высказанная им еще в книге, была известна. Весьма вероятно, что большинство собравшихся не интересовала собственно научная сторона дела; людям казалось важным, что критический взгляд будет не только высказан, но также признан и «утвержден» научным сообществом. Поэтому, когда декан объявил, что факультет «единогласно и с особым удовольствием постановил дать г. Михайловскому искомую степень», зал взорвался аплодисментами.

Если оставить в стороне социальный контекст, дежурные речи оппонентов, суету момента и обратиться к содержанию самой диссертации, то мы увидим весьма ценные идеи о надлежащем судоустройстве в России, как оно видится либералу, а также внятный анализ смысла судебных реформ последних лет и их последствий. Некоторые главы книги излагают в переработанном виде содержание статей, опубликованных ранее. Заключительные главы отвечают на те вопросы, которые были поставлены автором еще в работе 1899 года.

Михайловский считает, что Судебные уставы 1864 года необходимо восстановить в их первоначальном виде, так как все вышедшие после этого новеллы только ухудшали первоначальный текст. Руководящей идеей всех изменений было «стремление к бюрократизации судебного ведомства и к превращению судей в зависимых от правительства чиновников». Суд неизбежно превратился в орудие власти. Все это привело к падению нравов в судейской среде: судья при вынесении решения больше ориентируется на «направление внутренней политики», а не на законность и правомерность.

Особо следует отметить мысль ученого об участии в судебной деятельности непрофессиональных представителей общества, так называемого «общественного эле-

мента». Необходимо любой ценой сохранить суды присяжных, считает Михайловский, а при коллегиальном рассмотрении дел вводить в состав суда представителей общест-венности. Это станет сильным противовесом бюрократическому давлению на судей.

Сразу после защиты диссертации в начале марта 1906 года юридический факуль-тет тайным голосованием (единогласно), а затем и Совет университета тайным голо-сованием (большинством голосов: 24 «за», 3 — «против») принимают решение о пре-доставлении Михайловскому вакантной кафедры полицейского права. В течение марта–апреля 1906 года он окончательно оставляет службу в качестве мирового судьи и переходит из Министерства юстиции на службу в ведомство Министерства народно-го просвещения.

В августе 1906 года Иосиф Викентьевич просит перевести его на кафедру энцикло-педии и истории философии права. На заседании юридического факультета, состо-явшегося 4 сентября, его просьбу удовлетворили, при этом само обсуждение прошло крайне дружелюбно. Вспомнили все: и полный курс философии в университете, и заня-тия с Чичериным по философии права, и знаменитые статьи о нем, и глубокий фи-лософский анализ природы права в диссертации. Вспомнили и то, что сам Чичерин ре-комендовал своего ученика именно на кафедру энциклопедии права. В конце ноября 1906 года Михайловский был переведен на кафедру энциклопедии и истории филосо-фии права. Однако Высочайший приказ по гражданскому ведомству был издан лишь 30 июня 1907-го.

В качестве профессора юридического факультета И. В. Михайловский прорабо-тал вплоть до своего увольнения весной 1920 года, когда его арестовала ЧК. (За это время он семь раз будет занимать должность декана факультета — и всегда будет тя-готиться этой работой.) Он читал курсы лекций не только по философии права, но так-же и по государственному праву, по уголовному и гражданскому праву и процессу. И практически каждый год во время летнего отпуска выезжал за границу, чаще всего в германские университеты, для занятий в библиотеках.

Ежегодно Михайловский читал вступительные лекции — по большей части об-щего, мировоззренческого характера. Тексты 1907, 1908 и 1909 годов вышли отдель-ными изданиями. Его первая лекция «Университет и наука» посвящена ценности на-учного познания и роли профессора. Как подчеркнул Михайловский, само это слово происходит от латинского *profiteri*, что значит — свободно исповедовать свои убежде-ния. Особая ответственность лежит на профессоре в современной России, раздирае-мой не только и не столько темными и необразованными людьми, сколько полуобра-зованными адептами самых вздорных и поверхностных идей.

Лекция «Культурная миссия юристов» была прочитана в 1908 году. Ее пафос со-стоит в том, чтобы доказать: хотя юрист и служит государству, он также реализует идею права, которая стоит над государством. В служении этой идее заключается и под-линная цель государства, не всегда самим государством отчетливо осознаваемая. Глав-ная задача студента университета — «понять право в его этической основе», научить-ся отличать право от произвола, кто бы его ни чинил: один, многие, большинство или все. «Над государствами стоит высший этический порядок, частью которого является право, государство связано этим порядком и вовсе не является всемогущим Левиафа-ном». Развитие общества и всех его сил возможно только на почве права и самого на-дежного охранителя права — государства. Поэтому не в отрицании государства, а во всемерном его совершенствовании, приведении в соответствие с его подлинной сущ-ностью состоит миссия юристов.

«Правовые прелюдии к грядущей культуре» (1909) — это в полном смысле прог-рамная лекция. Отчасти она переключается с проблематикой второй лекции, но все же главный ее предмет — границы суверенитета и общей воли, а также анализ вызо-

вов, с которыми сталкивается идея прав личности. Михайловский здесь вновь возвращается к теме «право и государство», но на этот раз он начинает с более критической ноты. Идея правового государства переживает кризис. Против нее выступают социалистические, анархистские и теократические течения мысли и политики. Это сопряжено с кризисом всех основных политико-правовых идей XIX века, считает Михайловский, солидаризуясь с основными идеями работы П. И. Новгородцева «Кризис современного правосознания».

Идеи государственного и народного суверенитета, идеи общей воли народа и представительного правления — все это оказалось сомнительным и противоречивым. Оказалось, что даже демократические ценности и институты таят в себе различные угрозы. Лишь идея личности сохранила свою привлекательность, но ей-то как раз и угрожают главные вызовы эпохи. Независимость, возможность самобытного и оригинального развития каждой отдельной личности представляет высшую ценность. «Политическая свобода есть только средство для охраны индивидуальной свободы, личной независимости», и ее надо использовать не для того, чтобы разрушать государство, а чтобы развивать правовое государство и его институты, в том числе и «социальное законодательство». Это должно быть именно законодательство и правовое содействие, а не государственные вмешательства и опека.

Принципы умеренного либерализма И. В. Михайловский отстаивал практически во всех своих работах — крупных, небольших и даже в рецензиях. Он полагал, что правовой позитивизм, которого придерживались многие его коллеги, несет в себе серьезную опасность. Правовой позитивизм, на первый взгляд, тяготеет к апологетике существующего порядка вещей. Однако это не всегда так. Если источником права являются распорядительные функции государства, то вопрос о праве и вопрос о власти — неразделимы. И в условиях политической нестабильности правовой позитивизм превращается в разрушительную силу. Действительно, у кого власть, у того и право и тот вправе творить право. Борьба за власть неизбежно выступает на первый план. Публичное право получает приоритет над частным. К этому надо добавить еще и теорию интереса, которую, как правило, разделяют все правовые позитивисты, и представление, что власть в принципе может издать любой закон. Закон и право — это всего лишь средства реализации интересов.

Для естественно-правовых теорий вопрос о власти вторичен, как вторична вообще сфера политического, ибо вытекающие из доктрины запреты и пределы для власти сделают любую власть «приемлемой», если она соблюдает приоритет гражданских прав. Защита гражданских прав в этой системе взглядов лучше осуществляется более стабильными политическими режимами и вообще требует стабильности и преемственности власти. Политические права важны, но не как самоцель, а как средство, с помощью которого в государстве можно защитить свои гражданские и индивидуальные права. Противодействие правовому позитивизму является лейтмотивом многих работ Михайловского, в том числе и главной — «Очерков философии права». Они вышли в свет в 1914 году и стали одним из самых заметных трудов в этой области.

Сулившая спокойную и размеренную академическую жизнь карьера университетского профессора оказалась довольно бурной. Этому способствовала не только бурная жизнь России того времени, но и некоторые черты характера самого Михайловского. Как преподаватель он был очень требователен, в финансовых вопросах — очень щепетилен. Иосиф Викентьевич неизменно отказывался от того, чтобы студенты спонсировали издание его лекций (весьма распространенная тогда практика), и требовал, чтобы университет, если он заинтересован (а он должен быть в этом заинтересован), напечатал их за свой счет или хотя бы возместил часть расходов.

Один из таких конфликтов закончился большим скандалом. В марте 1910 года студенты первого курса обратились к своему профессору с просьбой разрешить им издать его лекции за их счет. Иосиф Викентьевич в резкой форме отказал: мол, у тех, кто ходит на его лекции, и без того все есть. Но таковых как раз и не нашлось; группа на общем собрании объявила о бойкоте лекций Михайловского, выдвинув ряд требований, в том числе и требование уважительного к ним отношения со стороны преподавателя. В ответ преподаватель высказался в том смысле, что уважение надо сначала заслужить...

Конфликт невероятно разросся, бойкот продолжался, о нем стали писать в газетах, в том числе и петербургских. Министерство народного просвещения потребовало от ректора университета отчета и приказало скандал немедленно прекратить вплоть до отчисления студентов-зачинщиков. Действительно, студенты нарушили ряд положений университетского устава, а также несколько раз обманули ректора, заведомо сообщив ему неправду. К счастью, дело удалось решить без каких-либо административных мер.

Однако первый по времени конфликт возник не в стенах университета, а в Томском отделении Русского Императорского общества, которое избрало Михайловского своим председателем. Дело в том, что Общество являлось еще и музыкальным учебным заведением; контроль над средствами был поставлен в нем слабо и осуществлялся собственными выборными органами. Обнаружив, что в отделении процветают приписки и откровенное воровство, председатель уволил ряд преподавателей, остальные ушли сами. Учебная деятельность остановилась, и Иосифу Викентьевичу пришлось покинуть свой пост.

К Февральской революции 1917 года И. В. Михайловский отнесся с большим скепсисом, расценив ее как весьма нежелательное развитие событий. В условиях всеобщей эйфории, когда все считали нужным надеть красный бант или хотя бы красный или бордовый галстук, Михайловский демонстративно стал носить только синий. Опасения его были связаны не только с тем, что республиканский строй в России угрожает стабильности; он опасался, что политические свободы, полученные в одночасье не подготовленными к ним гражданами, могут сыграть злую шутку со страной. Надо сказать, что и коллеги, и студенты продолжали относиться к Иосифу Викентьевичу с большим уважением, а его лекции активно посещались.

Октябрьский переворот правовед не признал в принципе. Власть большевиков в Сибири, однако, продержалась тогда недолго: практически бескровное восстание Чехословацкого корпуса легко упразднило советскую власть. Восстановление органов государственной власти Временным Сибирским Правительством началось с воссоздания правовой системы и судебной власти. 7 сентября 1918 года был учрежден Сибирский высший суд, а 8 сентября Указом Временного Сибирского Правительства «профессор Томского университета И. В. Михайловский назначается Членом Высшего Сибирского Суда по Уголовному Департаменту с 15 октября 1918 года с оставлением в должности профессора». Восстанавливались не только судебные органы, но и судебные уставы 1864 года, при этом Сибирский Высший суд становился высшей судебной инстанцией и осуществлял свою деятельность по закону о Правительствующем сенате.

Кроме дорогой Михайловскому идеи восстановления уставов 1864 года, судебная власть восприняла еще одну его идею — о привлечении общественного элемента к деятельности судебных органов. Впервые в Сибири были введены суды присяжных, а земские и городские органы самоуправления получили возможность включать своих представителей в рабочие органы судов для принятия коллегиальных решений. Если учесть факт развития в те месяцы и других демократических и либеральных институтов, станет понятно: в Сибири Россия восстанавливалась именно как правовое государство.

Осенью 1918 года И. В. Михайловский опубликовал две важные статьи — «Отголоски Совдепии» и «Религия и народное образование». Так называемые «светлые идеалы социализма» не имеют никакого отношения к светлым идеалам и идеалам вообще, уверен автор; «социализм — вещь очень простая и прозаическая». Но религия, которая действительно имеет непосредственное отношение к «светлым идеалам», — вот она-то изгоняется отовсюду, в том числе и из школы. Изгоняется то, что составляло духовную основу многовековой культуры, то, что объединяло людей вне зависимости от их происхождения, то, что учило состраданию и взаимопомощи. В триаде «свобода, равенство и братство» третий элемент может быть достигнут только при помощи религии.

Иосиф Викентьевич не отличался хорошим здоровьем, часто недомога и в более благоприятные времена: его «Формулярный список о службе» (нечто среднее между личным делом и трудовой книжкой) сохранил немало тому свидетельств. И все революционные годы он тяжело болел; лекции приходилось переносить или читать их дома.

Осенью 1919-го к власти вернулись большевики. Совместным постановлением № 7 Сибнаробраза и Коллегии по управлению вузами от 15 апреля 1920 года И. В. Михайловский, а с ним еще семь профессоров юридического факультета, был уволен. Но еще раньше, 28 февраля, Томская ГубЧК выдала ордер за № 610 на арест Михайловского. 1 марта его арестовали и отправили в тюрьму на Иркутском тракте Томска. Известно, что в камере находился и младший сын Иосифа Викентьевича — Лев (вероятно, он все-таки не был арестован, а находился с больным отцом, чтобы за ним ухаживать).

Оставшиеся на свободе и на своих должностях коллеги Михайловского начали активно ходатайствовать о его освобождении; по их просьбе ректор университета неоднократно обращался в ЧК. Аргументы в глазах чекистов были, конечно, наивные: просили проявить милосердие к больному человеку, в котором нуждаются студенты и учебный процесс, ручались, что профессор никуда не сбежит и регулярно будет приходить на допросы... Все ходатайства остались, разумеется, без ответа.

И. В. Михайловского приговорили к пяти годам лагерей за антисоветскую деятельность. Однако исполнить приговор оказалось невозможно, так как Иосиф Викентьевич, страдавший болезнью сердца, находился в очень тяжелом состоянии. 1 мая 1920 года его перевели в Госпитальные клиники Томского университета, где он и скончался от кардиосклероза 5 марта 1921 года.